

Разогрев завершился, началось основное действие. На сцене развернулось представление, и Бай Линъюнь, исполняющий роль Цзинь Юйну, грациозно вышел к публике.

— Юность моя, шестнадцать лет, в бедной семье я росла. В тишине за зеленым окном, красоту свою впустую сгубила.

Стоило Бай Линъюню запеть, как зрители в зале замерли, словно пораженные громом.

Неужели это он? Бай Линъюнь? Тот самый господин Бай?

— Он оказался бессердечным человеком, лишенным всякой совести, как же могу я покорно склонить голову, словно мотылек, летящий на пламя, сгорая в собственном огне!

В каждом движении его глаз, в каждом повороте головы читалась вся гамма чувств Цзинь Юйну — от любви до глубокой ненависти и безумной тоски. Когда Бай Линъюнь дошел до той части, где его героиня наказывает неверного возлюбленного, зал был настолько захвачен происходящим, что многие зрители даже перестали моргать, боясь пропустить хоть мгновение.

Когда представление подошло к концу, Бай Линъюнь вышел на поклон. Весь зал — двадцать один человек — поднялся со своих мест и, не жалея сил, принялся неистово хлопать и выкрикивать слова одобрения.

Это было выступление, ради которого стоило прийти!

— Господин Ян, эта игра господина Бая сильно отличается от того, что мы видели прежде. Будто совсем другой человек на сцене.

Человек, которого называли господином Яном, был убелен сединой: и волосы, и брови, и борода — все было белым, как снег. Он был облачен в темно-синий халат, на груди поблескивали серебряные карманные часы, а в руке он держал трость с набалдашником.

Услышав вопрос, он посмотрел на Бая Линъюня, кланяющегося публике, и медленно произнес:

— Играя роль, я забываю себя, на сцене я — не я.

Чэнь Фушэн за кулисами утирал рукавом слезы, сердце, до этого подпрыгнувшее к самому горлу, наконец вернулось на место.

Пока он в уме подсчитывал выручку от завтрашних билетов, его охватило немалое изумление.

Оказывается, вот каков настоящий талант Бай Линъюня!

Неужели все его прошлые выступления были лишь детскими забавами, в которые играл этот молодой господин?

Бай Линъюнь за месяц второй раз дал сольный концерт, и его постановка Золотая нефрит в

шелковом одеянии произвела эффект разорвавшейся бомбы, удостоившись высочайшей оценки от известного театрального критика, господина Ян Наньганя: Играя роль, я забываю себя, на сцене я — не я.

В одночасье новости о Бай Линъюне разлетелись по всему театральному миру.

Утром, во время умывания, Дай Пэйчуань радостно пересказал ему эту лестную похвалу.

— Брат, раз уж сам господин Ян так сказал, сегодня вечером в театре точно будет аншлаг.

Бай Линъюнь приложил к лицу горячее полотенце. В комнате горел уголь, но утро выдалось на редкость холодным.

— Неужели это так важно?

— Конечно! В театральных кругах мнение господина Яна — это закон. — Дай Пэйчуань поднял большой палец вверх. — Другие актеры и половины такой похвалы не достаивались. Говорят, если господин Ян посетил театр, то артист, выступающий там, обязательно станет звездой.

Бай Линъюнь усмехнулся. Видимо, статус театральных критиков в эту эпоху действительно был невероятно высок.

Он помнил рассказы деда о временах Китайской Республики: пара пренебрежительных слов от критика могла разрушить карьеру артиста, а если критик был особенно язвителен, актер мог закончить жизнь в нищете. Поэтому многие знаменитости среди своих поклонников держали целую армию критиков, которые подогревали интерес к их персонам, чтобы поддерживать славу.

Только они собрались завтракать, как в дверях показался Второй господин Цянь, расплывающийся в улыбке.

— Господин Бай, поздравляю, мои поздравления!

Бай Линъюнь отложил палочки, выпрямился и вежливо улыбнулся:

— С чем же поздравляете?

— Пришел сообщить вам новость: только что узнал, что сегодня вечером к вам пожалует целая делегация из общества театральных критиков. Господин Бай, вы станете настоящей звездой!

Бай Линъюнь невозмутимо кивнул, показывая, что понял, но в голове у него промелькнула иная мысль.

Сегодня был день, когда он должен был выступить в резиденции командующего.

Время и порядок проведения таких частных выступлений имели огромное значение. Если артиста приглашали при свете дня, то, как правило, он уходил оттуда так же, как и пришел. Но если за ним присылали крытый экипаж вечером — последствия могли быть непредсказуемыми.

Второй господин Цянь был человеком проницательным и, заметив перемену в лице Бай Линъюня, сразу догадался, о чем тот думает.

Он жестом велел Дай Пэйчуаню закрыть дверь, подошел ближе и прошептал:

— Насчет выступления в резиденции командующего можете не беспокоиться. Еще вчера ночью особняк командующего Гао оцепили, говорят, там скрывали японских диверсантов. До сих пор снаружи стоят солдаты.

Бай Линъюнь приподнял бровь. Значит, выступать не придется?

Выходит, тот, прежний Бай Линъюнь, погиб зря...

Бай Линъюнь одновременно радовался, что ему не нужно выступать перед каким-то там никчемным командующим, и жалел о безвременной кончине того, чье место он занял.

Он и не подозревал, что в театральных кругах столицы уже назревают серьезные перемены.

Вечером перед Театром Восточного предместья яблоку негде было упасть. Те, кто не успел купить билеты днем, толпились у входа, вытягивая шеи. Всем было любопытно, как этот вчера еще никому не известный актер смог заслужить одобрение самого Ян Наньганя? И почему главные театральные критики столицы решили собраться вместе, чтобы послушать именно его?

Однако больше всего публику интриговало то, что именно сегодня Бай Линъюнь будет исполнять: Легенду о пагоде Лэйфэн!

В выборе и постановке пьес существовали свои строгие правила. Мастера никогда не ставили главные, тяжелые произведения в начале — это было сродни современным концертам: все должно идти постепенно, наращивая напряжение, чтобы шаг за шагом захватывать внимание зрителя.

Изначально Бай Линъюнь выбрал пьесу Свадьба Мэй и Юй. В конце концов, он был новичком, и ему было логичнее выбирать произведения с менее сложной техникой исполнения, чтобы постепенно освоиться. Но Второй господин Цянь, получив список, невесть с чего вдруг завернул пьесу и настоял на Легенде о пагоде Лэйфэн.

Бай Линъюнь вертел в руках грубый пожелтевший листок, глядя на три иероглифа: Легенда о пагоде Лэйфэн.

— Сяо Чуань, сходи к Второму господину Цяню еще раз, уточни, не ошибся ли он.

Дай Пэйчуань скривился:

— Брат, я уже трижды бегал! Чтобы не было недоразумений, я даже попросил его написать название на бумаге.

Бай Линъюнь нахмурился. По его плану, эту пьесу следовало ставить не раньше, чем через

месяц. И дело было не только в сложности исполнения. Существовало негласное правило: вчера его ученик-простофиля выступал с Белой змеей, а сегодня он ставит продолжение — Легенду о пагоде Лэйфэн. Со стороны это выглядело как открытый вызов! Если об этом узнает Ду Минъюэ, у которого мозги были не на месте, он же ворвется прямо в театр!

— Брат, может... может, сходишь к Главе труппы Чэню?

Бай Линъюнь покачал головой, отложил бумагу и сцепил пальцы на коленях.

— Иди готовься. Сделаем так, как сказал Второй господин Цянь.

Дай Пэйчуань с облегчением выдохнул:

— Сейчас же иду!

Бай Линъюнь проводил взглядом торопливо уходящего парня. Даже такой мальчишка понимал, что спорить не стоит. Оказавшись в этой эпохе, он не имел ни связей, ни денег, ни славы, ни преданных поклонников. Он был абсолютно один, и любое неверное движение могло стоить ему всего. Поэтому прежде чем что-либо предпринять, он тщательно взвешивал каждое решение. Время было такое, положение — шаткое, и если он будет вести себя слишком вызывающе, добром это не кончится.

<http://bllate.org/book/19185/1883625>